

1

ТАЙНА БОЧКИ

Всякий входящий сюда чувствовал себя как на дне могильной ямы.

Комната была сырой, с низким потолком, без окон и в эту промозглую нью-йоркскую ночь такой же холодной и неприветливой, как взгляд полицейского.

Снаружи, на Принс-стрит, что в самом сердце Маленькой Италии, шел морозящий дождь. Капли собирались в лужи посреди гниющих куч кухонных отходов, которыми была завалена мостовая. Под рекламным щитом, расположенном на обшарпанном доходном доме, находился ничем не примечательный салун — дешевое питейное заведение для рабочего люда. Было начало четвертого утра 14 апреля 1903 года — салун закрылся, и оттуда не доносилось ни звука. Среди теней в дальнем конце бара виднелась грубо обтесанная, плотно закрытая дверь. В комнате за этой дверью Бенедетто Мадониа наслаждался своим последним ужином.

Заведение было заявлено как ресторан, в котором подают спагетти, но на самом деле это была забегаловка, где подавали все подряд. У одной из стен стояла старая чадящая печка. Рядом висели заплесневелые связки чеснока, аромат которого смешивался с запахом варившихся овощей. Из остального тут были: несколько грубых низких столов, старинные стулья и ржавая раковина, торчавшая в углу зала. Газовые лампы мерцали; голые половицы были усеяны кедровыми опилками, которые в конце дня превращались в густую смесь из плевков, луковой шелухи и окурков темных итальянских сигар.

Мадониа жадно ел блюдо из тушеной фасоли, свеклы и картошки — здоровую крестьянскую еду, популярную в его родной провинции Палермо. Он был крепко сложенный мужчина среднего роста, привлекательный по меркам того времени, с высоким лбом, карими глазами и густыми вьющимися темными волосами. Тщательно прощипанные пышные усы с закрученными кончиками оттеняли резкие очертания его римского носа. Он одевался лучше, чем большинство работяг: костюм, высокий воротничок, галстук и туфли на хорошей подошве — признаки какого-никакого благосостояния. Однако по его внешнему виду нельзя было сказать с уверенностью, как он зарабатывал деньги. Когда его спрашивали, Мадониа называл себя каменщиком. Но даже неискушенному наблюдателю было ясно, что этот человек не привык работать руками. Его сорокатрехлетнее тело уже начало оплывать, а на ухоженных руках с аккуратным маникюром не было и следа мозолей ремесленника.

Уединенная трапеза подошла к концу. Он отодвинул миску и мельком взглянул в противоположную сторону зала, где у стены расположилась группа посетителей. Как и он, они разговаривали на сицилийском — диалекте, столь щедро приправленном словами из испанского, греческого и арабского языков, что в итоге затрудняло понимание сказанного даже для других сицилийцев. Их одежда и атрибутика мало подходили для представителей профессий, привычных в таком месте: рабочий, фермер, гладильщик². Однако было очевидно, что Мадониа был не из их круга. Даже если все присутствовавшие в ресторане были иммигрантами, они давно уже стали

² Рабочий, который работал на предприятии с прессом для разглаживания белья или электроутюгом. Популярная профессия того времени.

ньюйоркцами и чувствовали себя как дома на улицах, кишачих выходцами из Италии. Мадониа же впервые приехал на Манхэттен всего неделю назад и не знал города. Для того чтобы сориентироваться в Маленькой Италии, ему требовались провожатые, что озадачивало. Его все больше беспокоили эти незнакомые люди, говорили они настолько невнятно и путано, что он никак не мог понять суть разговора.

Мадониа не довелось узнать разгадку этой тайны. Дверь, ведущая в зал, распахнулась с громким щелчком, эхом прокатившимся по залу, и на пороге появилась вторая группа людей. В тусклом свете Мадониа разглядел лицо одного из вошедших: это был Томмазо Петто — гора мышц, всем своим видом внушавшая угрозу. Его прозвали Быком из-за широкой грудной клетки, сильных рук и ограниченных умственных способностей. Позади него притаился худощавый человек среднего роста. Его глаза, черные как уголь, будто зияли дырами, просверленными в черепе. Лицо незнакомца было невыразительным и изможденным, кожа синеватого оттенка, подбородок и щеки не выбриты. Усы выглядели клочковатыми, как у классического преступника.

Бык инстинктивно посторонился, пропуская второго вперед себя. Когда тот вошел, среди присутствовавших пробежала волна беспокойства. Все робели под его пристальным взглядом, каждым движением стараясь показать почтительное отношение к своему главарю.

Бендетто Мадониа тоже оказался во власти того ужаса, который внушал окружающим этот черноглазый человек. Голос его был сух, жестикуляция невыразительна и скупа. Помимо всего прочего, сразу настораживало то, что правая сторона его тела была закутана в просторную коричневую шаль. Мадониа знал, что рука, которую он прятал, сильно деформирована: предплечье было вдвое

короче, чем у обычного человека, рука казалась не чем иным, как клешней. На ней с рождения отсутствовали первые четыре пальца. Оставался только один бесполезный мизинец, словно жестокая шутка неведомого равнодушного божества. Черноглазого звали Джузеппе Морелло. Своей искалеченной конечности он был обязан прозвищем Клешня.

Главарь не стал тратить время на церемонии. Одно движение его левой, здоровой, руки — и двое мужчин из тех, кто сидел у стены, вскочили, крепко схватили руки Мадониа, каждый со своей стороны, и подняли его на ноги. Он пытался сопротивляться, но недолго и без особого результата. Его грубо скрутили, не оставляя шансов на освобождение. Кричать было бесполезно: помещение располагалось слишком далеко от улицы, туда бы не долетел даже самый громкий вопль ужаса. В таком положении пленнику оставалось только беспомощно корчиться и наблюдать, как к нему приближается черноглазый человек.

Подробности того, что произошло между Мадониа и Клешней, остаются до конца не выясненными. Это могла быть короткая, наполненная яростью перебранка. Возможно, было произнесено слово *nemico*³. Не исключено, что Мадониа, осознавший смертельную опасность, умолял о пощаде. Если так, то его мольбы не возымели действия. Еще одно движение руки черноглазого человека — и двое подручных, удерживавших пленника, поспешно поволокли жертву по полу к ржавой раковине. Чья-то рука грубо схватила Бенедетто за волосы и рывком закинула его голову назад, тем самым обнажив шею. В этот момент третий человек выступил

³ *Nemico* (ит.) — враг. В этом слове, как и в большинстве слов итальянского языка, ударение ставится на предпоследний слог. — *Примеч. пер.*

вперед. В руке его был зажат стилет — кинжал с тонким клинком, заточенным до остроты бритвенного лезвия, длиной где-то четырнадцать дюймов⁴. Секундная пауза, чтобы оценить угол и расстояние, — и лезвие вошло точно в цель наискось, над адамовым яблоком.

Удар был нанесен с такой звериной силой, что клинок пронзил трахею Мадониа по направлению спереди назад и продолжал движение, пока не уперся в позвоночник. Когда оружие было извлечено, те, кто держал жертву, почувствовали, что тело обмякло, конечности стали податливыми и безвольными. Приложив всю силу, они вновь подняли умирающего на ноги, и тут к нему приблизился Бык, держа в руке собственный нож. Мощным стремительным ударом он рассек трехслойный льняной воротник Мадониа, его глотку и яремную вену — разве что не обезглавил пленника.

Эта жестокая расправа была тщательно спланированным убийством. Пока жизнь покидала Мадониа, те, кто схватил его под руки, держали его голову строго над раковиной, чтобы очередная порция крови, выплескивавшаяся из сосудов с ударами сердца, с бульканьем стекала в сливную трубу. Все же какая-то часть крови попала на одежду и опилки под ногами. При этом половицы остались чистыми.

Кровотечение прекратилось через минуту. Толстые пальцы обхватили изрезанное горло Мадониа и повязали вокруг него прямоугольный кусок грубого холста. Ткань впитала последние струйки, вытекавшие из ран, после чего труп был сложен вдвое, поднят и перенесен в центр зала. Там другие руки подкатили бочонок метровой высоты, из тех, в которых оптовые торговцы поставляли товар в магазины Нью-Йорка. Изнутри бочонок вы-

⁴ 14 дюймов — примерно 36 сантиметров. — *Примеч. пер.*

мазали грязью и опилками, целый слой которых был собран с пола, чтобы они впитали оставшуюся кровь. После этого мертвое тело цинично засунули в бочку, из которой торчали руки и нога, но это не имело значения: Морелло и его подельники не собирались прятать труп. Покойник должен был быть обнаружен, а раны на теле должны были послужить средством устрашения. Тем не менее допускать обнаружение раньше времени тоже не следовало. Конечности трупа укутали в старое пальто с тщательно удаленными этикетками, и бочонок покатали в салун и далее, через открытую дверь, — в переулок. Там в темноте ждала выдавшая виды крытая повозка, запряженная одной лошадью. Несколько сицилийцев совместными усилиями загрузили в нее свою ношу. Два человека, одетые в тяжелые плащи, вскарабкались на козлы. И, под скрип рессор и стук копыт Бенедетто Мадониа отправился в свое последнее путешествие.

Спустя чуть больше часа после рассвета уборщица, которую звали Фрэнсес Коннорс, вышла из своей квартиры в Ист-Сайде и направилась в ближайшую пекарню, чтобы купить булочек.

Район, в котором она жила, был доведен до безнадёжного уровня нищеты. Жилище Коннорс находилось между старой конюшней с обветшалой вывеской и целым рядом шатких рекламных щитов, подпертых ненужными железками. Справа, стоило выйти из квартиры, река Ист-Ривер омывала сточными водами полуразрушенные причалы. Слева на здание фабрики навалился амбар, полный кудахчущей живности. А прямо по ходу, там, где 11-я Ист-стрит пересекала авеню Ди, располагалась пекарня, к которой и направлялась Коннорс, минуя склад лесоматериалов «Мэллет энд Хэндлс» со стенами, иссеченными следами неудачных разгрузок.

«Мэллет энд Хэндлс» был настолько же грязным и захудалым, насколько и сама 11-я Ист-стрит. Двор был пропитан гнилостной вонью, а невымытые окна были прикрыты для защиты мелкой проволочной сеткой. Большую часть времени товар лежал снаружи, сваленный в кучи так, что прохожим приходилось пробираться через груды древесных обрезков. Но в то утро путь Коннорс преградило другое препятствие. Прямо посреди тротуара стояла бочка, прикрытая старым пальто.

В соседних домах зажигались огни, дождь почти прекратился, а для портовых грузчиков и рабочих потогонных производств⁵ было еще слишком рано. Никто не видел, как миссис Коннорс подошла к бочке. Никто не видел, как она прикидывает размеры препятствия или поднимает край пальто, чтобы заглянуть внутрь. Но слышали ирландку все. То, что увидела Коннорс, заставило издать крик, полный такого ужаса, что из окон по всей улице стали высовываться головы. Сначала уборщица заметила правую руку и левую ногу трупа, а под ними из опилок, темных от крови, выглядывало лицо с высоким лбом, глазами цвета каштана и густыми темными волосами.

На крики Коннорс вышел местный сторож. Он, в свою очередь, побежал за полицией. Патрульный Джон Уинтерс, не мешкая прибывший на место со своего поста поблизости, стянул с бочки пальто и сразу же увидел, что человек внутри мертв; доказательством являлось то, что его горло было перерезано, а кожа бела как мел. Длинными свистками полицейский вызвал подкрепление.

⁵ Потогонная система (*англ.* Sweating system), *экон.*, — форма производства, допускающая самую крайнюю эксплуатацию трудящегося, отсюда назв. «система выжимания пота». — *Примеч. ред.*

Один человек был отправлен позвонить сотрудникам Детективного бюро, а остальные приступили к изучению места преступления.

Это была омерзительная работа. Все, к чему прикасался Уинтерс, было липким от крови; лицо и тело мертвеца были забрызганы, а одежда пропитана ею; кровь сочилась между досками. Свидетельств тому, как бочка попала на 11-ю Ист-стрит, практически не было. Дождь скрыл все следы преступников, следы от колес размыло грязью. Сержант Бауэр из полицейского участка на Юнион-стрит, проходивший мимо склада лесоматериалов в 5:15 утра, был убежден в том, что бочки на тротуаре не было. Поквартирный опрос по обеим сторонам улицы не выявил ни одного очевидца, который видел бы повозку, когда она громыхала по дороге.

Судебная медицина в те времена только начинала развиваться. Дактилоскопия, незадолго до того введенная в Скотленд-Ярде, еще не была принята на вооружение Департаментом полиции Нью-Йорка. А сама мысль о неприкосновенности места преступления была чем-то доселе неслыханным. Не дожидаясь прибытия детективов из 14-го полицейского участка, Уинтерс вытащил тело Мадониа из бочки — задача не из легких, поскольку он намертво застрял внутри, — и разложил прямо среди луж, чтобы найти улики. Для защиты тела от непогоды не было предпринято никаких усилий, но патрульный заметил две важные детали: пальто, которым была накрыта бочка, лишь слегка намокло, несмотря на то что всю ночь моросил дождь, а тело под ним оставалось теплым на ощупь. Очевидно, что изувеченный труп был оставлен здесь совсем недавно, а смерть наступила незадолго до обнаружения.

Провести осмотр места преступления было поручено сержанту уголовной полиции Артуру Кэри.

Этот полицейский, уже имевший за плечами опыт расследования убийства, первым прибыл на место преступления. Он пометил ярлыками содержимое карманов Мадониа: распятие, штемпель-календарь⁶, единственное пенни и несколько носовых платков — один из них, маленький и пропитанный духами, принадлежал женщине. С жилетки свисала цепочка от карманных часов, но сами часы отсутствовали; не было бумажника, и на одежде не обнаружилось нашивок с именем. Даже этикетки с нижнего белья были удалены. «На теле не было, — признал детектив после осмотра, — никакой информации, которая помогла бы установить личность убитого».

С уверенностью Кэри мог определить только национальность жертвы. Судя по внешности, убитый был представителем какой-либо из стран Средиземноморья. Более того, в кармане брюк обнаружилась скомканная записка на итальянском языке, написанная женской рукой. Обе мочки ушей были проколоты для ношения сережек, что является обычным делом на Сицилии, и раны от стилета на шее Мадониа выглядели до боли знакомо. За свою карьеру детектив не раз сталкивался с жертвами итальянской вендетты. Он заключил, что вероятнее всего этот человек погиб в ходе одной из кровавых распрей, которые нередко сотрясали Маленькую Италию.

Далеко не все коллеги Кэри разделяли его уверенность. В первые часы после убийства некоторые поли-

⁶ Штемпель-календарь — компактное устройство с рукояткой, печатавшее дату на бланках писем, конвертах и счетах, а также на различной документации в конторах и присутственных учреждениях. На штемпеле обычно размещались имя, фамилия, место жительства, звание и род занятия владельца. — *Примеч. ред.*

цейские разрабатывали версию о том, что человек пал жертвой жестокого ограбления или даже преступления на почве страсти. Обсуждалась также возможность того, что умерший был греком или сирийцем. Однако большинство согласилось с логическими заключениями сержанта. В конце концов, каждый год в итальянских районах города случались десятки убийств, и бóльшая их часть становилась результатом смертельных междоусобиц, с которыми Кэри был хорошо знаком. Только малая часть преступлений была раскрыта; полиция Нью-Йорка (примерно на три четверти состоявшая из ирландцев) не притворялась, что понимает происходящее в Маленькой Италии. Представителям власти приходилось иметь дело со свидетелями и подозреваемыми, которые недостаточно хорошо изъяснялись на английском и были отнюдь не расположены впутывать в свои дела органы власти. Раскрывать даже те преступления, в которых личность убийцы и причины убийства были известны всему сообществу иммигрантов, оказывалось для детективов практически невыполнимой задачей.

Из первоисточника следует, что это дело не было оставлено без внимания. Жестокость нападения и невиданные доселе обстоятельства обнаружения бочки имели все признаки большой сенсации. Примерно в 6:15 утра Кэри завершил первичный осмотр. Тротуары близ «Мэллет энд Хэндлс» наводнили зеваки, сгрудившиеся у места преступления в надежде увидеть тело, к тому времени уже накрытое саваном. Отряду полицейских, вызванных из ближайших участков, пришлось сцепить руки, чтобы сдерживать толпу в несколько сотен человек. Появились и первые репортеры, которые на скорую руку набрасывали свои заметки, исходя из того что было известно на тот момент. Кровавому убийству всегда открыт путь на первую полосу газет.